

ОБРАЗ-СИМВОЛ СОФИИ В ЛИРИКЕ А. БЛОКА И А. БЕЛОГО

Религиозно-философские концепции В. Соловьева оказали значительное влияние на культуру русского Серебряного века. Э. А. Бальбуров отмечает мифопоэтическую основу его учения, панпсихизм (метафизическое всеединство) которого соединяет натурфилософские представления и христианскую традицию. Сравнивая софиологию В. Соловьева с древнекитайским трактатом Даодэцзинь, где человек следует земле, земля – небу, небо – Дао, а Дао – естественности, исследователь проводит аналогии между Землей и Мировой Душой, Небом и Софией, Дао и Логосом, естественностью и Всеединым божественным организмом [1].

Литературная молва признала А. Блока и А. Белого преемниками и поэтами-наследниками «пророка» Вечной Женственности – Владимира Соловьева. Как пишет П. П. Гайденок, «... «София» Соловьева, вобравшая в себя и Шеллингову мировую душу, и «божественную подругу» Данте, и «вечную женственность» Гете, давала символистам своеобразный «мифологический код»...» [4, 365].

Образ Софии Премудрости Божией стал центральным в поэзии А. Блока: «Шестьсот восемьдесят семь стихотворений одной теме! Этого, кажется, не было ни в русской, ни в какой другой литературе. Такая однострунность души!», писал К. Чуковский [10, 7]. Н. П. Деменкова структуру авторского мифа о Прекрасной Даме рассматривает в соотношении с гностическим мифом о Софии-Ахамот [5, 10–11]. Двойственная природа женского персонажа в блоковском «романе в стихах» определяется внутренней двойственностью Софии – плененной Мировой Души. В гностицизме София – тридцатый эон плеромы (т. е. полноты бытия) – из-за желания приблизиться к праотцу всего нарушает иерархию, за что ее изгоняют в бездну (у А. Блока этот момент соответствует нисхождению на землю Прекрасной Дамы). В результате падения Софии появляется ее дочь Ахамот, жизнь которой полна страдания и страха из-за ее неоформленности как субстанции – рождения без участия мужского эона. София же вновь возвращается в плерому. У А. Блока такое разделение между миром земным и небесным наблюдается во второй части трилогии в образе Незнакомки (слово «кабак» по частотности употребления соотносится со словом «храм» из первой части). Далее в учении гностиков Христос как внеисторическое духовное существо спускается к Ахамот, ибо, как пишет Л. П. Карсавин, «не полна Полнота, доколе Она не прияла в себя Ахамот» [6, 91]. Зарождение в Ахамот идеи плеромы – светлой вечной жизни создает в ее сущности двойственность. В лирике А. Блока такое соединение хаоса и гармонии, дионисийского и аполлонического начала свойственно третьей книге лирики, где в образе России сочетаются крайности бытия.

София В. Соловьева – это не только гностическая Мировая Душа, но и ветхозаветная Премудрость – девственное порождение Бога-Отца: «Когда Он

еще не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной... я [София] была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь перед лицом Его во все время» [7, 601]. С одной стороны, она лишь пассивно воспринимает демиургическую волю Творца, а с другой – активно созидает мир по законам гармонии и порядка. Для мира София имеет всеобъемлющее значение: одухотворенная природа, в которой заложена божественная информация, воплощает идею всеспасения через соединение всего тварного в Теле Жены, облеченной в Солнце. Через непорочность жены-девы В. Соловьевым утверждается концепция «истинной» красоты, благодаря которой должно наступить спасение мира.

Первые христиане почитали женскую софийную ипостась Бога в виде голубки как символ Святого Духа (недаром в арамейском языке слово «дух» – «Ruach» – женского рода). И у В. Соловьева рядом с Отцом и Сыном присутствует Богородица, хотя в византийско-русской традиции образ Софии лишь сближается с ликом Богоматери, которая облагораживает весь космос, но не является ипостасью Троицы. В православии под Премудростью Бога–Отца понимается второе лицо Троицы – Бог–Сын.

Не вдаваясь в догматику, отметим главное: в философии В. Соловьева и в творчестве его «адептов» А. Блока и А. Белого образ Софии определяет существование двух миров – мира Времени и мира Вечности, которые соотносятся как зло и добро. Человеку в равной степени подвластно пребывание и в одном, и в другом. Свобода от мира Времени возможна благодаря экстатическим мгновением прозрения:

*Один лишь сон, – и снова крыленный
Ты мчишься ввысь от суетных тревог... [9, 34]*

Подобное читаем и у А. Блока:

*Все лучи моей свободы
Заалели там.
Здесь снега и непогоды
Окружили храм [3, 52].*

Так у поэта в «Стихах о Прекрасной Даме» преломляется платоновская концепция о соотношении мира идеального и мира вещного, переосмысленная в контексте философии В. Соловьева.

Софиология в творчестве А. Белого, с одной стороны, представлена в образе Жены, облеченной в Солнце, причем наделенной материнскими чертами (не случайно сборник «Золото в лазури» посвящен матери А. Белого – Александре Дмитриевне Бугаевой), а с другой стороны, преломляется сквозь призму христианской традиции, где София Премудрость Божия отождествляется с Логосом-Христом, который является и сердцем Бога–Отца, и светом в Отце. Таким образом, Солнце может у поэта наделяться атрибутами и женственными, и мужественными.

Важно отметить, что призыв «Будем как Солнце» К. Бальмонта – первого солнцепоклонника в среде символистов – трансформируется у А. Белого в первоначально ветхозаветное «быть как Боги», которое в

новозаветном контексте становится стремлением соединить человеческое и божественное через образ Христа.

У А. Белого значение «облечься в солнце» восходит и к софийному представлению Покрова Богородицы, и к христианской традиции подражания Христу, который и есть Солнце.

Нам шлет поцелуй

Стародавнее солнце:

«Облекитесь в меня:

Я над вами – с вами» [2, 36].

В символизме А. Белого через зримые природные образы проявляется божественное откровение. Аргонавтический миф переосмысливается автором как способ постижения света Жены, облеченной в Солнце, поэтому «компас корабля Арго, на котором он плывет за «Золотым Руном», движим стремлением познать стихию *Софии* как стихию *Филии*» [8, 51]:

За солнцем, за солнцем, свободу любя,

умчимся в эфир

голубой!.. [2, 53]

Подводя итог вышесказанному, важно отметить, что образ Софии Премудрости Божией – Жены, облеченной в Солнце, который заимствован младосимволистами из философии В. Соловьева, у А. Блока связан с культом Вечной женственности, а у А. Белого – с соляной символикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бальбуров Э. А.* «Художественная гносеология» Андрея Платонова в свете философских исканий русских космистов // Русский филологический портал [Электронный ресурс]. 2001. <http://www.philology.ru/literature2/balburov-99.htm>.
2. *Белый А.* Стихотворения / редкол.: А. В. Лавров и др. М., 1988.
3. *Блок А.* Стихотворения и поэмы / сост. В. Г. Фридлянд. М., 1978.
4. *Гайденок П. П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001.
5. *Деменкова Н. П.* Античные контексты мифопоэтики А. Блока: автореф. диссерт. ... канд. филол. наук; Омск. гос. пед. ун-т. Омск, 2007.
6. *Карсавин Л. П.* София земная и горняя // Малые сочинения: вид издания / сост., научн. подгот. и коммент. С. С. Хоружего. СПб., 1994. С. 76 – 98.
7. Книга притчей Соломоновых // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2000. С. 596–618.
8. *Искржицкая И. Ю.* Эстетико-культурологические проблемы литературы русского символизма: автореф. диссерт. ... докт. филос. наук: 09.00.04; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2000.
9. *Соловьев В. С.* «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990.

10. *Чуковский К. И.* Александр Блок // Стихотворения и поэмы / сост. В. Г. Фридлянд. Мн., 1989.